

*Тебе, Таня,
и всей нашей
красногалстучной
пионерии
посвящаю.*

На берегу Невы,
В музейном зданье,
Хранится
очень скромный
дневничок.

Его писала
Савичева Таня.
Он
каждого пришедшего
влечёт.

Пред ним
стоят
сельчане,
горожане,

От старца –
До наивного мальчика.
И письменная
сущность содержания
Ошеломляет
Души и сердца.

I

На шоссе сквозь горные
преграды,
Но среди ущелий – синева.
Между стен и башен
Ленинграда
В блеске солнца
катится Нева.

У правобережного гранита –
Старый дом с порогом, как скамья,
Тут живёт,
ничем не знаменита,
Савичевых людная семья.

– Чисто ленинградская ячейка, –
Как изрёк один авторитет: –

Их своя обязанность зовёт.

Убегают в школу Таня с Мишей.
Едет мать до швейной мастерской.
А среди квартирному затишья
Бабушка хлопчет день-деньской.

Кроме тех,
    кто перечислен нами,
Дядя Вася
    есть в семье у них,
Человек весьма обширных знаний,
Букинист и собиратель книг.

И ещё –
    снабженец дядя Лёша –
Быстрый ум,
Хозяйская рука.
Братья –
    два работника хороших,
Два немолодых холостяка.

Если бы у каждого спросили:
– Как живёте,
    хорошо иль нет? –
Тут же,
    без особенных усилий,
Прозвучал бы искренний ответ:

Мол, живём
    не хуже, чем другие,
Есть у всех приличный стол и дом.
И удобства, пусть недорогие,
Добываем собственным трудом...

И считает,
    этим не фасоня,
Савичевых дружная семья,
Что у них
    в Васильевском районе
Здравствует
Династия своя.

А предмет особого вниманья
И забот, которым нет конца,
Это –
    подрастающая Таня,

Рано потерявшая отца.

Ей пророчат радужную долю,
Детство

без печалей и невзгод.

И в семейной строгости и холе –
Свой

учебный путь

из года в год.

То она откроет пианино

И зубрит

премудрость нот и гамм,

То летит

дорогой журавлиной

За моря, к манящим берегам.

У неё –

таинственные трассы,

Глобус –

как планета

на дому.

Первая ступень –

Четыре класса.

Рой вопросов:

– Что да почему?

А на стенке

снимок светло-серый.

Сбоку надпись:

«Мама, погляди», –

Таню

принимают

в пионеры.

Пионерка.

Галстук на груди.

* * *

Иногда, в свободные минуты

Дядя Вася молвит:

– Ну, айда! –

И они уходят по маршруту,

Никому не ведомо куда.

Возле Академии художеств

Важно прохлаждаются в саду.

Сфинксов

близнецовую похожесть

И наглядней всяческих пособий –
Тут как тут –
    проспекты и дворцы.

И, поток раздумий вызывая,
Предстает бывшее перед ней, –
От царя Петра
    и первой сваи –
До подъёмных кранов
Наших дней.

***

Чтоб свои надежды
    и мечтанья
В некоторой степени собрать, –
Есть у юной Савичевой Тани
Общая
Заветная тетрадь.

Тут – любые записи по числам,
Вязь пера,
    штрихи карандаша,
Всё, что с детской щедростью
    и смыслом
Собирает Танина душа.

А на первом плане
    год –
    тот самый,
Что бывает в жизни только раз.
Это – первый выход,
    рядом с мамой,
В школу,
В незабвенный
    первый класс.

Здесь отмечен Танин день рожденья,
Текст
    на две страницы распостёрт.
Тьма гостей
И, всем на загляденье, –
Свой
    фамильный
    савичевский
    торт!

И опять
    восторги да печали,

Вехи детства.
Рукописный том.
Факты,
    заурядные вначале,
Могут стать
    находками потом.

* * *

Месяц май с цветами на газонах
Отсверкал,
    мелькнул
        и – был таков.

Вся семья готовится к сезону
Долгожданных летних отпусков.

Братья –
на рыбацкое скитанье,
Сёстры –
    есть дом отдыха у них.

Мама
    вместе с бабушкой и Таней
Погостит в деревне у родных.

Дяди, отвергающие отдых,
Остаются в городе своём.
И на персональных огородах
Будут
    Чудодействовать вдвоём.

А над всеми планами семейства
Плещет флаг багряно-огневой.
И мерцает
    шпиль Адмиралтейства,
Оттененный
Небом
    и Невой...

И тогда
    ещё казалось странным,
Что в коварно-мирной тишине
Их людским намереньям
                                и планам
Угрожают
    недрузи
        извне.

* * *

Не по рельсам бьющие колёса
Стали твердь окрестную качать,

На секретном
        плане «Барбаросса»
Ставит Гитлер
Подпись
        и печать.

Это он,
        с достоинством наносным,
Вскинул клок,
        спадающий с виска.

И, под безрассудное:
«Нах Остен!» –
Как ва-банк,
        пошли
        его войска.

Враг рванулся к целям назначенья,
Как сплошной,
        всепепелящий пал!
Но не зря бытует изречение:
– Ты силён,
Да не на тех напал!

II

Не гуденье цеха или домны,
Не дыханье фабрики зерна,
Нет!
Во весь размах страны
        огромной
Полетел призыв:
– Вставай, страна!..

По призыву Партии,
        по зову
Власти, утверждённой Октябрём,
Встал народ,
        сплоченный и грозовой,
И как гром,
        обрушился
        на гром...

Встал воитель,
        трудовой и ратный,
Против вражьих орд
И вражьих врак.
– Нет,
        скорей Нева

***

Мать не спит,
от сына ждёт известий.

Стал казаться
чёрным
белый свет:

Все семейство Савичевых вместе,
Только Михаила
нет и нет.

Он уехал в отпуск.

Эта местность
(Страшно верить!)

Занята врагом.
Хуже всякой правды
неизвестность.

Хоть умри –
не кинешься вдогон...
(Жаль, несовершенны средства связи,
Мать могла б узнать, что сын её
Жив и здоров:

на партизанской базе
Встал со всеми вместе под ружьё,

Что идёт он сквозь облавы вражьи,
Бьёт врага...

А думает – о ней.
И домой воротится лишь после
Всех
девятисот
блокадных дней...)

Возле дома
Встали
На причале
Наши краснофлотские суда.

Враг бомбит их днями и ночами,
Все удары сыплются сюда.

А в ответ,
К врагу подавшись грудью,
Моряки нащупывают цель
И авторитетом
всех орудий

С ним ведут
Прицельную дуэль...

Грохнул взрыв,

Знает цену
        слову и рублю.
И любое мамино решение
Здесь –
        как руль и компас
                                кораблю...

***

Не поедет Савичева Таня
На село,
        за быструю Неву,
Пошатнулся мир её мечтаний,
Всё переменялось наяву.

Если раньше
        ясная погода
Приглашала
        в парк
                        или к реке,
То теперь
        смотри
                        и жди захода
Вражбых птиц
В прицельное пике.

Раньше тут футболили ребята
Да играли в «классы»,
                        а теперь
Бьют
        снаряды,
Бьют
        по всем квадратам,
Бьют и множат
        перечень
                        потерь.

Вот послали Танину подружку
В булочную
        – рядом на углу.
А вдали
        недобро выла пушка
И снаряд прорезал полумглу.

И разрыва яростная сила,
Как таран,
        ударила волной.
И подружку Анку
        Подкосило

В грудь
    навылет
        сталью разрывной...

Промелькнуло
        взорванное лето,
Никаких иллюзий не даря.
Осень
    принимает эстафету
И зовётся
Первым сентябрём.

Серый дождь.
Недоброе светанье.
За окном
    стрельба,
        как молотьба.

Раньше всех
Сегодня встала Таня,
Подобрала волосы со лба.

Тщательно оделась
        и умылась

В честь
    такого
        Первого числа.

Мать взглянула:
– Ах,
    скажи на милость,
Как франтиха наша подросла!

Стала выше длинной этажерки,
Где теснятся строй любимых книг.
Форменное платьице
        по мерке.

Красный галстук.
Снежный воротник.

Заглянула в ранец –
        всё в порядке.

Улыбнулась старшим:
– Ну, пока! –
И, подобно взрослой ленинградке,
Повернула пуговку замка.

Бабушка о чем-то молит бога.
Тикают настенные часы.

За стеной,
        почти что у порога,
Слышен гул
        передней полосы.

Но, как вызов лютым чужестранцам,
Деловито вышла за порог
Пионерка
        с лёгким школьным ранцем
И –
        скорее в школу
                на урок...

III
В сентябре
        с седьмого на восьмое
Враг рванулся в город
                над Невой,
И, казалось,
        с неба,
                с суши,
                        с моря
Хлынул вал ударно-огневой.

От снаряда, вздыбившего крышу,
Заходили стены ходуном.
Посреди секундного затишья
Застучал, как сердце, метроном.

Под его бесстрастное биенье
Бьёт по нервам
        радиоволна –
Что грозит опасность населению,
А она
        действительно грозна.

Мать торопит бабушку и Таню,
И – в бомбоубежище скорей.
В клочьях мрака –
Вой бомбометанья,
Пересверк зенитных батарей,

Смертный стук
        осколочного града.
И на фоне дыма и огня –
Панорамный контур Ленинграда,
Как неколебимая броня.

А под утро
                  хмурый дядя Лёша
Сдал свой пост.
Вернулся в тихий дом.

Он в гремящей пепельной пороше
«Видел всю
                  Гоморру и Содом».
И, как страж бессонного отряда,
Заявил, почти наверняка,
Что горят
                  Бадаевские склады,
Где хранятся
Сахар и мука.
* * *

Дядя Лёша был,
                  по мнению Тани,
Добряком, каких не видел свет,
У него –
                  почти в любом кармане –
Чуть ли не по пригоршне конфет.

Но теперь окончилось всё это,
Не вернешься к прежнему житью.
Он пайковой
                  соевой конфетой
Потчует любимицу свою.

И глядит куда-то за пределы
Тесных стен и грустного окна...
Ветеран снабженческого дела,
В русской шевелюре –
                  седина.

* * *
Не пальба со всех сторон и линий
Вырывает жертвы из толпы, –
Разнеслось,
                  что срезаны отныне
Нормы
                  хлеба,
                  мяса
                  и крупы.

Хлеб –
Его становится все меньше,
Мясо –
Стало редкостью оно, –
Это всё

в глазах мужчин и женщин
И в провалах щёк отражено.

Но и скудный минимум питания –
Это жизнь.

И требует она
Помнить всем,
а в том числе и Тане,
Что идёт
Священная война.

* * *

Во дворе
застойный запах гари,
Всё в чаду промозгом и сыром,
Здесь царит гражданка – тётя Варя,
Дворничиха тутошних хором.

У неё с восхода до заката,
А точней,
с утра и до утра
Наготове мётлы и лопаты
И песок во всех углах двора.

Тетя Варя каждому знакома.
Здесь она причастна ко всему.
И её зовут
душою дома,
Неотложной помощью в дому.

Вот она
и Савичеву Таню
Приобщает к действиям своим:
Стар и млад
Вдвоём обходят зданье,
Словно крепость, вверенную им.

Оглядят подъезд, насквозь продутый,
Уберут везде и всюду хлам,
Для больного выкупят продукты,
Сварят пищу с горем пополам...

Тьма руин направо и налево.
Жизнь –
по многим признакам –
не та:
...У интеллигентной старой девы
Кто-то съел ангорского кота...

Человек с глазами мудреца.

IV

Раньше всех встаёт на кухне

Женя

И скорей из дома – поутру

Таня, с тайным чувством

уважения,

Провожает старшую сестру.

На завод,

за восемь километров

Ходит Женя каждый божий день

И уже

пугающе-заметно

Тает, словно собственная тень.

Там, в ущерб ослабшему здоровью,

Эта «рядовая от станка»

Отдаёт бойцам

запасы крови:

Донор – кровный друг фронтовика.

Кровью сердца,

Волей интеллекта

Верит, даже верует она,

Что не пропадает такая лепта –

В нашу пользу

Кончится война!

Эта вера зреет неизменно

Нарастает пламенем костра.

Потому-то

по две,

по три смены

Точит мины

Старшая сестра.

А когда

с добавочным питанием

Кое-как дотащится домой,

– Ну-ка, ешь! –

приказывает Тане

И лишь кое-что – себе самой...

Женя, Женя...

Ранняя сутулость,

Измождённость ясного чела.

...На завод ушла
И – не вернулась...
Прямо на работе
Умерла...

Словно при немислимом зазимке,
Мать безмолвно съёжилась в тени.
И не уронила не слезинки,
Потому что –
                                вымерзли они...

***

Не метель в горелом переулке
Клок афиши трогает и гнёт, –
Вынимает Таня из шкатулки
Памятную книжечку-блокнот.
Ищет букву «Ж»
                                по алфавиту,
Карандаш достала из стола
А затем недетски деловито
Вписывает: – Женя умерла ...

Женя умерла
28 дек. в
12-30 час. утра
1941 г.

Умерла наставница и няня,
Вечный холод в грудь её проник...
Со священной бережностью Таня
держит свой теперешний дневник.

А над ним, раскрытым,
                                и над нею
Чёрный ворон крылья распростёр.
И в душе
Все резче,
Все виднее
Гибель брата,
                                гибель двух сестёр.

* * *

Ох, зима,
                                когда идут сраженья
И когда, как воздух, нужен хлеб, –
Твой, границ не ведающий, гений
Просто неуместен и нелеп.

Для чего ты льёшь и льёшь в печали

Лунный свет, холодный и ничей,
И звеняще белыми ночами
Споришь с летней прелестью ночей?

Всё бело.
Бело, как белый саван,
Как стерильность ваты и бинтов.
А в зените, с рокотом гнусавым,
Рыщет враг
И всё взорвать готов.

Ах, зима,
                  к чему твой чистый иней
И секунды белой тишины, –
Если нет ценителей в помине,
Если люди
                  счастья лишены?

Все в седой глыбастости застыло
От нещадной хватки вражьих рук.
Не осталось никакого тыла,
Только фронт пульсирует вокруг.
* * *

В тесной кухне сыро, словно в доте.
Здесь владычит худшая из зим.
Но вернулась бабушка Авдотья
Из похода в людный магазин.

Горделиво села возле мамы:
– Глянь! – и в сумку тянется рука.
Возросла на капельные граммы
Норма продуктового пайка.

Смотрит мать, глазам своим не веря,
Перед нею хлеба общий кус, –
Он – объёмней,
Он в какой-то мере
Сразу стал
Существенней на вкус.

– Вот оно! –
дождались дня и часа,
Самый тяжкий срок превозмогли, –
Стала явью Ладожская трасса –
Нитка Жизни,
                  луч с Большой земли!

Эта новость во мгновение ока
Унеслась к соседям за порог.
И – на что молчун –
                                очкарик Лёка

Снял очки,
Торжественно изрёк:

– Кра-со-та!.. – И оттопырил палец,
Всем символизирующий:

                                – Во-о! –

Как бы здесь враги ни бесновались,
Мы ещё посмотрим,

                                кто – кого!

***

Но от повседневного стоянья
В очереди стылой, как стена,
Бабушка дышать не в состоянье,
Вся пробита стужею она.

Прилегла,
Дрожит от лихорадки,
А в глазах усталость и тоска.
Таня ей

                                пристроила под пятки
Половик и грелку из песка.

Но к обеду старой стало хуже, –
Уронила руку, словно плеть.
И лицо, свинцовое от стужи,
Постепенно начало белеть.

И не стало бабушки Авдотьи...

И как прежде верная себе –

Вносит Таня

В свой дневник блокнотик

Этот скорбный факт –

                                где буква «Б»:

Бабушка

Умерла 25 янв. 3 ч. 1942г.

Не разбудят больше

                                ни фугаска,

Ни зенитка, бьющая до звёзд.

И на хрупких Таниных салазках

Увезли старуху на погост...

***

Мать, как подобает старожилу,

Честно тащит «свой житейский крест».
С мудрым
    «Не до жиру – быть бы живу»
Кормит всех.
Сама почти не ест.

Продолжает дело воспитанья
С чувством материнским дорогим:
– Слушай, Таня! – или
    – Скушай, Таня! –
Не в ущерб, конечно, всем другим.

А зима все бедственней.
    И вскоре
Смерть пошла косить из дома в дом.
Умерла учительница в школе,
Замертво свалился управдом.

Гибнут люди,
Гибнут сплошь да рядом, –
Кто во тьме,
    а кто средь бела дня.
И приметой скорбного обряда
Стал служить не гроб,
    а простыня.

Не оркестр,
Не кто-либо с речами,
Не цветы в букетах и вразброс,
А красноречивое молчанье
И почти убийственный мороз.

Но в сердцах – не холод похоронный,
Не печать смиренья на лице,
А – отпор и жажда обороны,
Гнев и стойкость
    в огненном кольце.

Пульс борьбы.
Его не остановишь.
Он приглушен, но ничуть не сбит:
Композитор Дмитрий Шостакович
Над Седьмой симфонией не спит.

Мастера огня прицельно злого
Косят «фрица» в пепле и в снегу.
И поэты

ярой силой слова
Близят час возмездия врагу.
V
В думах,
и ничуть не о себе лишь,
Люди стали действенной и злей.
– Прочь, пассивный дух
бомбоубежищ.
И отсидку в сырости щелей!

Нет,
когда расчётливо и долго
Враг крушит опорные места,
Всем
Повелевает
чувство долга:
Не бросать,
Не уходить с поста.

В этом смысле действует и Лёка,
Не терпя ни страхов, ни помех.
Вот шагает властно и широко
Он на свой
ударный «Судомех».

Вот, усталый, топает оттуда
В полутемный кухонный приют,
А над ним, хрипящим от простуды,
Сто смертей
осколочно поют.

Он подтянут.
Он приметен с виду.
И таким является не зря.
Есть
свой шик
у Лёки-Леонида:
Леонид – ровесник Октября.

Он гордится этим совпаденьем
И законно верит с давних пор,
Что для парня
данный год рожденья
Есть одна из нравственных опор.

Он развеял мирные мечтанья,
Перестроил планы прежних лет.

И – нет-нет
        да улыбнется Тане
Старший брат,
Иссохший,
        как скелет:

Мол,
        идёт особая проверка,
Как бы смотр,
На что способны мы.
Круче злость,
        товарищ пионерка,
Супротив
        коричневой чумы!

Вот намылим шею
        этим гадам,
Наддадим, как следует пинка, –
К нам придет Победа
        прямо на дом.

А пока...
Невесело пока.

Крякнет Лёка яростно и глухо,
Трудовик
        воюющей Руси:
– Кровь из носу, –
выдюжим, Танюха!
Верь...
И красный галстук свой
        носи!..

* * *

Красный галстук –
Галстук пионера,
На груди завязанный узлом, –
Ты огонь единства,
Символ веры,
Что Добро
        не дрогнет
        перед Злом.

Красный галстук,
Всё
        священно
        в этом
Полыханье трёх твоих углов:
Взлёт и верность ленинским заветам,
Свет ученья,

Труд без громких слов.

Красный галстук,
ты во всём сродни нам,
От флажка до знамени в строю,
С жаждой стать
достойным гражданином,
Жить и славить Родину свою!..

Это знала Таня.
Но едва ли
Понимала суть высоких слов.
Лишь теперь
за этими словами
Встал их смысл,
конкретен и суров.
И она, участница блокады,
Носит галстук
каждый день подряд.

И гордится,
И сердечно рада,
Что доволен ею
Старший брат.

* * *

У зимы – ни совести, ни срока,
Не теплеет, хоть бы до нуля.
Еле жив,
пришёл с работы Лёка,
Притащил домой кулёк угля:
– Будь спокойна, мать,
Тут всё законно.
Это за ударные дела
Мне и нам
от имени завкома
Энное количество тепла.

Мама свет Игнатьевна
Раздула
Огонёк в подтопнике сыром.
И на три оставшиеся стула
Вся семья уселась впятером.

Тянут руки,
сладко щурят веки
И молчат, блаженства не тая.
А во мраке, как в пещерном веке,
Рёв орудий,

словно рёв зверья.

И тогда нарушила молчанье
Мать,
    под злое уханье вдали:
– Глянешь,
        головой покачаешь, –
До чего нас немцы довели.

Ну, представьте, –
        кто,
                когда
                        и где бы
Мог сказать, что так пойдут дела
Ведь
        семейство пекаря –
                        без хлеба,
Без воды,
Без света,
Без тепла...

Сын
    зубами скрипнул от досады.
Дядя
    отчеканил
        довод свой:
– Мы же – штык
                в заслоне Ленинграда,
Коль дойдёт до схватки штыковой!

И, на пламя рдеющее глядя,
Домочадцы сдвинулись тесней –
Хмурый Лека,
Два небритых дяди,
Мать
    и дочка Таня рядом с ней.

* * *

Таня, Таня,
        где твои салазки,
Где твои «снегурочки»-коньки?
Всё трясёт от орудийной встряски, –
Даже воду в прорубях реки.
Где подружки?
Не дозваться многих.
И нельзя исправить ничего.
Мир пернатых и четвероногих
Сгинул, будто не было его.

Все остатки радости сгорели.

Всё в разрывах –

суша и зенит.

А под говор мартовской капли

Занемог и Лёка-Леонид.

От предельной меры истощенья

Он улёгся, скрючился в дугу.

А во взгляде боль:

– Прошу прощенья,

Что подняться больше не могу.

Мать укрыла стынущего парня

И с кошёлкой кинулась за дверь,

Собрала седую пыль в пекарне,

Где бомбоубежище теперь,

Принесла две горсти этой пыли,

Заварила чуть не на ходу,

И потом все Савичевы пили

Клейстероподобную бурду.

Пил и Лёка, намекая Тане:

Ох, и хороша, мол, да вкусна!

Но под утро,

в предрассветной рани,

Мамин крик

Прогнал остатки сна:

– Лёка!..

Лёня!.. –

А его не стало.

Стиснут рот.

Погашены зрачки.

В пальцах, не отмытых от металла,

Холодеют

Лёкины

очки.

***

Сотни тысяч жизненных аварий.

Плюс – ещё одна

к тому всему.

Тут же появилась тётя Варя –

Друг семьи

и помощь на дому.

Обняла, как маленькую, маму:

Мол, держись, Игнатьевна,

держись.

И давай-ка действовать помалу,
Как диктуют нам
Судьба и жизнь.

Повздыхали женщины по-вдовьи,
Перебрали
    в памяти
        года
И с гражданской скорбью и любовью
Проводили
    Лёку
        в никуда.

И опять же
Вынула украдкой
Свой блокнотик
        младшая сестра.

И вписала
Строго,
Крупно,
Кратко:
– Лёка умер...
        в пять часов утра....

Лёка
умер
17 марта
в 5 час. утр.
1942 г.

VI
Стужей жгла,
Сугробы наметала,
Даже хоронила задарма
И служила вроде санитаря
Долгая
    блокадная зима.

А весна явилась ей на смену,
Был бескровен цвет её ланит.
Заслезились каменные стены,
Почернел оттаявший гранит.

Что ни двор –
        дыра в промозглом дыме.
Нечистоты плавятся кругом.
Стар и млад
        пошёл на битву с ними,

Как с коварным
Внутренним врагом.

Вышли все,
и Савичевы тоже.
Поглядишь на этакий народ –
Кости да пергаментная кожа.
Жуть берёт.
А дел – невпроворот:

Драили, как палубу матросы,
Каждый метр асфальта и земли.
А снаряды,
режущие косо,
Ничего
Добиться
Не смогли.

И не зря воскликнул дядя Вася
У своих соседей на виду:
– Во-он –
грачи
вернулись восвояси

И полемизируют в саду!..
* * *

Дядя Вася –
цельная натура,
Настоящий воин-ветеран.
Он ещё под небом Порт-Артура
Шёл навстречу гибельным ветрам.

Он –
былого никуда не денешь! –
Вновь ушёл на фронт, как говорят,
Чтобы
белый
генерал Юденич
Не ворвался
В красный Петроград...

А когда заохал местный скептик:
Мол, с Россией
ныне дело швах...

Дядя Вася
Хлоп его по кепке
И обрезал
в нескольких словах:

— Ты поуважительней
к России!

Это
ста народностей
страна.

По единодушию,
По силе
В списке первых
Значится она.

Кто способен
взять её нагрузки?
Кто и где – отважней и щедрей?!
Нет,
не зря
восходит
слово –
русский!

В час,
Когда опасность у дверей.

Чем сидеть да каркать по-вороньи,
Загляни в историю страны:
Мы –
зенит –
в труде и обороне.

Нам
Ничьи угрозы
Не страшны.

Враг силен,
а всё равно –
осилим.

И себя
Не выстудим до дна!..
Ты –
поуважительней
к России.

Много нас,
А Родина – одна...

* * *

Дядя Вася
был кумиром Тани
И единомышленником – ей,
Он шкафы с отборными томами
Завещал племяннице своей.

На страничке,
с чёрной буквой «В».

Дядя Ва
-ся умер
в 13 апр.
2 ч. ночи
1942 г.

***

Не журавка из-за синя моря
Держит путь
                  за тёплым ветром вслед, —
Обитает в кухонной каморе
Девочка одиннадцати лет.

Скоро ей исполнится двенадцать,
Только б жить,
                  учиться
                                  и расти.

Таня, Таня, если разобраться,
Сердце —
                  беззащитное почти.

Но у сердца — собственное зреньё,
Часто — выше зоркости ума.
Тут свои особые прозренья,
Стиль, и такт, и выдержка сама.

И оно встречает все удары,
Всю несправедливость бытия.
И недаром,
                  именно недаром,
Взвешивает факты,
Как судья.

Сердце ей диктует все поступки,
И она, пускай ещё мала,
Копит в нем, как будто валуг в губке,
Щедрость человеческого тепла.

Носит в сердце
                  свет и нежность к маме,
Чувство нераздельности с людьми.
А на гром разрывов за домами —
Ноль вниманья, —
Хоть сто раз греми!..

* * *

Месяц май по-своему хлопочет,
Сушит камни улиц и дворов,
Дышит зримой взрывчатостью почек
И надежды шлёт под каждый кров.

Веет ветер, ласковый и нежный,
Шевелит речное серебро.
И неоспоримостью надежды
Дышат сводки Совинформбюро.

Светят, ободряюще стучатся
В дверь на самом первом этаже.
Но за дверью
Трое домочадцев
Еле-еле держатся уже.

Дядя Лёша
        сник душой и телом:
Хлеба нет.
Закрыты все пути.
У спеца снабженческого дела
Хоть шаром на складе покати.

Мать хлопочет, рук не покладая,
Шьёт и шьёт солдатское бельё.
А сама –
        бескровная, седая,
И трясутся пальцы у неё.

Таня видит сердцем,
        ловит эти
Знаки неизбежности немой
И со страхом держит их в секрете,
Будто прячет от себя самой...

Это ли не явная насмешка
Над людьми, –
        что к ним
        ворвался луч
И запрыгал ясно и безгрешно,
Чист и светел,
        лёгок и летуч?

Удивлённо выглянула Таня:
– Кто пускает зайчиков ко мне?! –
А в пролёте взорванного зданья

Зеркало
Повисло на стене, –

Солнечные зайчики бросает,
Как из прежних, довоенных дней.
И от острой боли и досады
Ей ещё становится больней,

И под ярый грохот канонады
Припадает к матери она:
– Ну, скажи, чего им, немцам, надо?
– Им, Танюша,
Наша Русь нужна...

***

И у человека рвутся корни,
Коль открыты сабельным ветрам.
Долго ли продержишься
на норме,
Если норма – двести с чем-то грамм?

Дядя Лёша хочет встать с постели
И не может.

Больше нету сил.
Съел кусочек хлеба еле-еле.
И губу нещадно прикусил.

И застыл, как снегом, запорошен
Сединой...

И Таня, взяв блокнот,
Вписывает кратко:
– Дядя Лёша...

А под ним – число, и час, и год.

Дядя Лёша
10 мая
в 4 ч. дня
1942 г.

Умер спец –
находчивый, тот самый,
Кто всю жизнь преуспевал и креп.
Умер.

И оставил Тане с мамой
Собственную
карточку на хлеб.

VII

Всё могла себе представить

Таня.

Всяких бед навиделась она.
Но никак, никак в её сознание
Не вмещалась истина одна, —

Что
    и мама
        после всех аварий
Занеможет,
Выронит иглу
И велит
    бежать за тётёй Варей
В сонную, предутреннюю мглу.

Тётя Варя сразу же явилась,
Возле мамы села на кровать:
— Ты это чего,
    скажи на милость,
Вздумала, Игнатъевна, сдавать?!
Мать склонила голову с подушек
И шепнула,
    тёмного темней:
— Если что, не оставляй Танюшу...
Позаботься как-нибудь о ней...

И с прощальной ясностью рассудка
Оглядела замершую дочь.
И впервые Тане стало жутко:
Ведь
    ничто
        не в силах
            тут помочь.

В довершение к этому — бомбёжка,
А к бомбёжке —
    снова артгроза.
Гром и пламя вдарили в окошко,
Что-то взвыло, словно тормоза.

Под чеканный выстук метронома
Хлынул камень, как лавина с гор.
И чердак, с измятой кровлей дома,
В вихре праха
    грохнулся во двор.

Но
    впервые в жизни
        мать-солдатка

...Машинально Таня полистала
Свой
немногословный дневничок.
Все семейство Савичевых встало
Перед нею
Вновь наперечёт.

И она,
буквально по два слова.
Пишет, как на крайней полосе:

Савиче-
вы умер-
ли.

И снова:
умер-
ли.
И добавляет:
все.

***

За окном —
весеннее блистанье.

А она
сиротски
занесла

В свой дневник:

Осталась
Одна
Таня

Даже не проставила числа.
И к чему тут
месяцы да числа,
Чей-то вздох,
И топот чьих-то ног,
Если вся душа — во власти смысла:
Человек
на свете —
одинок...

Над тобой
твой
отчий кров —
без крыши.

Кухня,

Слился гнев
с оптическим прицелом,
Стелет немцу
смертную кровать.
И пускай он
в грунт
зарылся –
целым,

Всё равно
Ему несдобровать.
И накал отпора
зреет люто.

Он переполняет все сердца –
От солдат
переднего редута
До главноверховного лица!

* * *

... Самая нежданная из вёсен:
Словно вихрем сорванный листок,
С детским домом номер 48
Уезжает Таня
на Восток.

Едут дети,
ждушие чего-то
От пути без края и конца:
В полной мере
круглые сироты.
В полном смысле –
Нет на них лица.

Разучились
начисто
смеяться.
Отощали так,
что жуть берёт.
Но –
по главной сути –
ленинградцы.
Всё, как есть,
изведавший народ...

(Автор
был в контакте
с этим людом
И, своим обязанностям в лад,
Сам эвакуировал оттуда
Опалённых

временем
орлят).
Вот они столпились плотной массой,
На борту
расселись,
как могли.

Их встречает
Ладожская трасса,
За которой –
даль
Большой земли.

Их объемлет
влажный сумрак ночи,
Говор волн.
И... вдруг –
разящий свет!

Это враг
Повесил
многоточья
Кипенно сияющих ракет.

Это он,
при их зловещем свете,
С высоты
бросается в пике.
От разрыва бомб
Немеют дети,
А вода
ревёт невдалеке.

И вздыхает санитарка Ксения:
– Боже мой,
кого
они бомбят?! –
И, подобно ангелу спасенья,
В плащ-палатки кутает ребят.

А баржа ползет себе неспешно
В резком блеске трепетных зарниц,
И ракеты гаснут в тьме крошечной,
Полной гуда
злых фашистских птиц...

* * *

Ото всех тревог и утомленья
Таню
разморило, развезло.
И она, уткнув лицо в колени,

Задремала, всем смертям назло.

И очнулась только на рассвете.

Кто-то

час подъёма

прокричал...

Друг за дружкой

Тихо

сходят дети

На замаскированный причал.

Свет зари

пластается по шпалам,

По вагонам близкой колеи.

А вокруг

с немыслимым запалом,

Как шальные,

свищут соловьи.

Свищут.

Славят

вешнее цветенье,

Словно игнорируют войну.

И заря,

и царство шслестенья

Опьяняют

Девочку одну.

И когда она

по шатким сходням

Шла, боясь, что свалится,

Её

Подхватил солдат

и тут же поднял

На руки,

как детище своё.

Пусть на ней

тужурка не по мерке,

Но, нетленность яркости храня,

Взмыл

от ветра

галстук пионерки,

Словно

пламя

Вечного огня.

И солдат

идёт по ранней рани,
Человек,
под стать богатырю.

Он
всю нежность
адресует Тане

И несёт,
Несёт её
В зарю!

VIII

Эй, заря,
давай дорогу солнцу,
Пусть оно
Сметает тьму
с земли!

Слово,
силой подлинности
полньюся

И гласи о всём,
что мы смогли!

С нами
все долготы,
все широты,
Где наш недруг
Бит, не в бровь,
а в глаз.

И не зря
во всех углах Европы
Кровь врагов,
Как ржавчина,
Спеклась.

И не зря
пошли вдоветь
их фрау.

Слыша гром возмездия
извне.

И не зря
сам Гитлер с Евой Браун

Сожжены,
Как падаль,
На огне!..

***

Это – всем живущим
в назиданье,

Чтобы каждый
в суть явлений
вник, —

Время
Возвышает
Образ Тани
И её доподлинный дневник.

Над любыми в мире дневниками
Он восходит,
как звезда,
с руки.

И гласят о жизненном накале
Сорок две
святых
его строки.

В каждом слове —
ёмкость телеграммы,
Глубь подтекста,
Ключ к людской судьбе,
Свет души, простой и многогранной,
И
почти молчанье
о себе...

Это —
смертный приговор
убийцам
В тишине Нюрнбергского суда.
Это — боль, которая клубится.
Это — сердце,
что летит сюда...

***

Время удлиняет расстоянья
Между
всеми нами
и тобой.

Встань пред миром, Савичева Таня,
Со своей
Немыслимой судьбой!

Пусть
из поколения в поколение
Эстафетно
Шествует она,
Пусть живёт,

не ведая старенья,
И гласит
Про наши времена!

ОТ АВТОРА

Савичевы умерли не все. Мне удалось разыскать сестру Тани – Нину Николаевну Савичеву-Павлову и заочно связаться с братом Тани – Михаилом Николаевичем Савичевым. От них я узнал, что Таня была эвакуирована из осаждённого Ленинграда на Большую землю, находилась в Красноборском детдоме № 48 Шатковского района Горьковской области и умерла там в районной больнице. Красные следопыты Шатковской средней школы нашли место, где похоронена Таня Савичева, и взяли шефство над её могилой.

Публикуется по: Смирнов С. Сердце и дневник. – М., 1971. – 93 с.